

КОМИТЕТ

ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3
283-3a

283-3a

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Что такое социализм?	5
<i>Фр. Энгельс.</i> —О захвате власти «Исполн. Ком-том Народной Воли».	21
<i>П. А. Берлин.</i> —Плеханов-западник	28
—	
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Г. В. Плеханов в „Земле и Воле“	44
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Мои встречи с В. И. Засулич	68
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Страница из воспоминаний о В. И. Засулич	82
<i>М. Каменская.</i> —Жизнь Г. В. Плеханова в конце 80-х г.г.	88
<i>Л. Дейч.</i> —Я. В. Стефанович среди народовольцев.	96
<i>Л. М. Л.</i> —В. Н. Игнатов	122
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из карийских тетрадей: III. Печальная весть с родины.	
IV. Аня.	129

ПИСЬМА:

<i>П. Б. Аксельрод.</i> —Товарищам в Швейцарию	139
<i>„Исп. Комитет“.</i> —К заграничным товарищам	143
<i>С. Кравчинский.</i> —К членам „Исп. Ком-та Нар. Воли“.	152
<i>Л. Дейч.</i> —К товарищам в Россию.	154
<i>С. Кравчинский.</i> —К Л. Г. Дейчу.	157
<i>Л. Дейч и Я. Стефанович.</i> —Переписка.	161
<i>А. И. Зунделевич.</i> —К Л. Г. Дейчу.	197
<i>Г. В. Плеханов.</i> —К В. И. Засулич.	227
<i>В. И. Засулич.</i> —К С. Кравчинскому-Степняку	243
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Переписка с иностранными товарищами	245

<i>Л. Дейч.</i> —Основательно ли нападение?	260
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Русская революционная эмиграция	278
Показания „знатных путешественников“	293
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Наши встречи со „знатными путешественниками“.	298
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Новая драма в Сибири	304

	<i>Стр.</i>
Агентурные сообщения о Розалии Боград	307
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Охота за Г. В. Плехановым	309
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Недоумение по поводу П. П. С.	312
Материалы из архива Горн. Института о студ. Плеханове	314
Революционное движение в освещении жандармов	316
Агентурные сведения о деятельности русск. эмигр. в начале 80-х гг.	336
Протокол допроса Н. И. Кулябко-Корецкого	338
<i>Л. Дейч.</i> Вместо библиографии (Ориг. юбил. произв.)	340
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Памяти Делина (речь на могиле)	371
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Предсмертное письмо	373
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Н. И. Кулябко-Корецкий (некролог)	377
В редакционном портфеле	382
Алфавитный указатель имен	387
В тексте фотографии:	
Я. В. Стефанович	97
В. Н. Игнатов	123
И. Н. Игнатов	123
Я. В. Стефанович в год смерти	374
Факсимиле предсмертного письма Я. В. Стефановича	375

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ В «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ»

I.

В точности не помню, состоял ли Плеханов уже формально членом общества «З. и В.» до казанской демонстрации: судя по некоторым данным, надо полагать, что нет. Так, П. Аксельрод в своих воспоминаниях сообщает, что Георгий Валентинович, будучи в эмиграции, рассказывал ему, с каким благоговением он относился к Натансону во время подготовки этой демонстрации: получая от последнего по этому поводу инструкции, Плеханов по вечерам отдавал ему точные отчеты о всем сделанном им за день ¹⁾. Едва ли, состоя уже членом общества «З. и В.», Плеханов так послушно вел бы себя по отношению Натансона, хотя и являвшегося лидером этой организации. Правда, в описываемое мною время он, вообще, питал большое благоговение к заслуженным, пострадавшим революционерам, о чем он сообщил в своих воспоминаниях. Также и мне он в эмиграции как-то сказал, что в первые годы его присоединения к нашему движению знаменитые тогда среди передовой молодежи революционеры — Ковалик, Кравчинский, Клеменц, Рогачев — представлялись ему людьми недостижимого величия, необыкновенными, перед которыми он готов был преклоняться.

Кстати, сколь ни покажется это, быть может, странным и неправдоподобным, замечу здесь, что готовность преклониться перед лицами, которых Георгий Валентинович признавал очень ценными, выдающимися, осталась у него до са-

¹⁾ «Пережитое и передуманное», т. I. Изд. Гржебина. Берлин.

мой смерти: в этом отношении чрезвычайно характерны наши с ним беседы в санатории Питкяярви в Финляндии, незадолго до его кончины, об Энгельсе, о чем не теряю надежды современем рассказать.

Как бы то ни было, только после перехода Плеханова на «нелегальное положение», — что, как известно, произошло вследствие предпринятых полицией усиленных розысков его, — Натансон и другие члены созданной последним организации начали особенно дорожить его к ним присоединением. Кроме присущих Плеханову дарований, некоторую роль в этом случае, несомненно, играла также сразу приобретенная им большая известность в революционных кругах.

Как известно, вскоре после казанской демонстрации, по настоянию товарищей, Плеханов отправился за границу, чтобы замести следы. Пробыл он там несколько месяцев и вернулся обратно в Петербург в июле 1877 года с твердым решением, принятым всеми бакунистами, — «погрузиться в гущу народную», т.-е. отправиться «в народ» для подготовки восстания.

Я уже сообщал в своих записках, что члены созданной Натансоном организации, — подобно южным бунтарям и другим тогдашним последователям Бакунина, признававшим необходимым заняться агитацией, — решили устраивать прочные поселения в деревнях и селах. При этом как северяне, так и южане считали важным выбирать «местности, обладающие историческим прошлым», т.-е. преданиями о происходивших там восстаниях, бунтах. Такими «очагами революции» считались побережья «великих русских рек»: Волги, Урала, Днепра, Дона.

«Натансоновцы» избрали главным пунктом своих поселений Саратовскую губ., в которой у них имелись некоторые связи среди либеральной части общества, благодаря чему им представлялась возможность получать в уездах должности фельдшеров, волостных и сельских писарей, народных учителей.

Пробыв короткое время в Петербурге, Плеханов в конце июля также отправился в Саратов, намереваясь поселиться в какой-нибудь деревне в качестве учителя. Вскоре по его приезде открылась такая вакансия в Аткарском уезде. Будучи нелегальным, Георгий Валентинович для получения

этой службы воспользовался документами товарища по организации — Александра Дмитриевича Михайлова («Дворника»). Тем не менее, несмотря на хлопоты местного священника, знавшего когда-то с наилучшей стороны родителей А. Михайлова, эта попытка не увенчалась успехом, вследствие явившейся со стороны исправника решительной оппозиции.

В ожидании других вакансий Плеханов пребывал некоторое время в Саратове, где усиленно вел среди местной интеллигенции, учащейся молодежи и рабочих проповедь бакунизма, в чем, по общему признанию лиц, бывших там одновременно, он имел огромный успех ¹⁾. Само собою разумеется, что внесенное с наездом в этот город новых лиц оживление не могло долго оставаться незамеченным полицией: предпринятая ею за квартирами слежка завершилась обысками и арестами нескольких лиц. Среди них оказался и Георгий Валентинович, наскочивший на оставленную «засаду». Самообладание и спокойствие Плеханова, с одной стороны, и хорошее, праздничное настроение (было воскресенье) пристава — с другой, привели к тому, что последний поверил задержанному, будто бы он случайно попал на «конспиративную квартиру». Не найдя на квартире Плеханова ничего предосудительного, пристав ограничился взятием с него письменного обязательства явиться на следующий день в участок, после чего Георгий Валентинович, конечно, немедленно покинул Саратов.

На этом в указанном году закончилось стремление Плеханова действовать «в народе». Но, как мы ниже увидим, он не отказался от этого намерения, и в следующем году сделал новую к тому попытку.

II.

Его возвращение в столицу осенью 1877 г. совпало с большим оживлением, вызванным русско-турецкой войной, а также процессом 193-х, делом Веры Засулич и другими круп-

¹⁾ О своей встрече и спорах с Г. В. сообщил также некий «Саратовец» на стр. «Минувш. Годов». На эти воспоминания Плеханов возразил в помещенных мною в «Прол. Рев.» посмертных его заметках, озаглавленных «О былом и небылицах».

ными политическими фактами. Напомню в немногих словах о некоторых из них.

Длившаяся тогда уже более полугода война на Балканах за освобождение «братьев-славян от турецкого ига» естественно наводила самых мирных русских обывателей на мысль о несоответствии этой, поглощавшей огромные массы «пушечного мяса» цели с внутренним состоянием страны, в которой все было задавлено, и где сотни лучшей молодежи томились в тюрьмах, централах, Сибири.

«Прежде чем освобождать «братушек», следовало бы вспомнить о своих «верноподданных» и дать им вздохнуть свободнее, созвав земский собор» — не раз приходилось слышать в разгаре этой войны ¹⁾.

К войне, в качестве сильно волновавшего передовую часть общества факта, присоединился затем давно ожидавшийся и много раз откладывавшийся «Большой процесс» — «193-х».

В течение трех, а то и четырех лет, в разных концах необъятной страны сотни молодых юношей и женщин томились в тюрьмах по обвинению в «хождении в народ» или за переданную кому-либо прокламацию, сказку, не то за одно лишь хранение этой «преступной литературы», а также за случайное знакомство с заподозренным в столь ужасных деяниях лицом и т. п. Десятки арестованных, заболев в местах заключения тяжкими недугами, умерли, лишились рассудка, пооканчивали самоубийством, не дождавшись суда. Даже вполне отрицательно относившихся к революционному движению обывателей возмущало столь жестокое обращение с молодежью. Поэтому известие о состоявшемся, наконец, осенью столь долгое время ожидаемом суде вызвало в обществе большое оживление: многие, в том числе и арестованные, надеялись, что суд, хотя и «особого присутствия сената с сословными представителями», будет рассматривать это обширное дело при открытых дверях, соблю-

---

¹⁾ К слову, идя навстречу этим вождениям, мы, южане — Стефанович, Мокриевич, я и другие бунтари — в конце лета отпечатали в находившейся у нас в Киеве подпольной типографии прокламацию, имевшую вид правительственной телеграммы и извещавшую о созыве земского собора для выработки конституции. Расклеенная затем в некоторых южных городах прокламация эта вызвала много толков и комментариев.

дая элементарные правила беспристрастия. Но — увы! после первых же заседаний стало ясно, что этот процесс является заранее подготовленной комедией, так как минимальные интересы подсудимых не соблюдались.

В мои задачи, конечно, не входит изложение подробностей этого замечательного, небывалого в летописях какой-либо страны политического процесса. Напомню только, что в течение нескольких недель происходили протесты со стороны подсудимых, большинство которых отказывалось присутствовать на заседаниях, куда их насильно приводили, а затем, после произнесенных ими по адресу судей оскорблений, жандармы выволакивали их. Происходили при этом возмутительнейшие сцены насилий, вызывавшие истерические рыдания, обмороки и пр.

Слухи обо всем этом, быстро распространяясь не только по Петербургу, но и по всей стране, вызывали повсюду в лучшей части общества крайнее возмущение и протесты против правительства и, наоборот, симпатии к подсудимым.

«Троглодиты», как начали в то время называть кружок тогда уже арестованного Натансона, хорошо использовали это настроение: в основанной ими тогда в самом Петербурге «Вольной русской типографии» они стали печатать о процессе 193-х отчеты, которые, несмотря на торжественное обещание председателя суда, в газетах не появлялись. Поэтому выходявшие из подпольной типографии отчеты повсюду читались нарасхват, производя огромное впечатление на молодежь, рабочих и общество.

Зимой указанного года, еще раньше окончания процесса, стали постепенно освобождать группами из дома предварительного заключения лиц, свезенных из разных концов России на этот суд. Это обстоятельство, в свою очередь, внесло большое оживление в среду революционно настроенной молодежи, рабочих и оппозиционной части общества столицы: начались небывалые до тех пор по размерам сходки, на которых, кроме освобожденных из тюрем, присутствовали «троглодиты», а также учащиеся и рабочие. Там совершенно открыто дебатировались революционные теории, тактические вопросы и пр. Полиция была вполне осведомлена об этих собраниях, но таково уж было общее настроение, что, ввиду изложенных обстоятельств,

свыше отдано было распоряжение не трогать молодежь, чтобы не раздражать ее еще более.

В числе сильно скомпрометированных «нелегальных» на этих сходках постоянно выступал «Оратор», а то и прямо «Жорж», как многие стали называть Георгия Валентиновича. Он быстро выдвинулся вперед, будучи признан самым даровитым, находчивым и остроумным полемистом, агитатором.

Известия об его успехах на этих турнирах широко распространились среди революционной молодежи, достигнув даже до заключенных в разных тюрьмах. Так, помню, Фроленко, приехавший из Петербурга в Киев, чтобы поступить ключником в тюрьму для освобождения из нее нас, чигиринцев, первым делом сообщил нам о блестящих выступлениях «Жоржа» на упомянутых сходках.

Главной темой дебатов являлась защита нового направления, бунтарского народничества. Оппонентами Плеханова и его союзников — Каблицы, Волошенко, Попко — выступали лавристы, к которым примыкали выпедшие из продолжительного тюремного заключения на волю подсудимые по процессу 193-х. Попад в тюрьмы в 1874—1875 г.г., когда преобладало пропагандистское движение, эти лица сохранили почти без изменения взгляды, с которыми были арестованы. Для них, поэтому, указанные дебаты были не только чрезвычайно интересны, но и очень поучительны ¹⁾.

---

¹⁾ Между прочим, иллюстрацией преимущества бунтарства перед проповедью социализма послужила ставшая как раз в пору этих дебатов известной, созданная Стефановичем, при моем и Бохановского содействии, тайная организация среди чигиринских крестьян. Известно, что мы для этого прибегли к ложному царскому манифесту, к чему вынудило нас установившееся у крестьян представление, что царь-освободитель стоит за них. Все лавристы и преобладавшее большинство лиц, освобожденных по «Большому процессу», восстали против допустимости прибегать к мистификации крестьян путем «авторитетного принципа», как тогда называли самозванство, ложные манифесты и т. п. приемы. Но, за исключением двух «троглодитов», остальные натансоновцы защищали нас, инициаторов чигиринского дела.

На собраниях с лавристами Георгий Валентинович также доказывал, что наша агитация в конечном результате дала неизмеримо больше положительных результатов, чем практиковавшаяся до того летучая пропаганда, приведшая лишь к заполнению тюрем молодыми энтузиастами: «это была первая попытка создания массовой организации крестьян», говорил Плеханов и в этом он видел «крупное ее значение».

Но особенно много толков, воодушевления и под'ема вызвало повсюду произведенное Верой Засулич (в январе 1878 года) покушение на градоначальника Трепова. Восхищение неожиданным, небывалым поступком этой мстительницы за поруганную честь незнакомого ей политического каторжанина было всеобщим чувством молодежи и передового слоя. Имя самоотверженной девушки, самостоятельно избравшей мученический крест, произносилось с умилением, со слезами радости и восторга в глазах.

Как известно, это покушение явилось поворотным пунктом в нашем революционном движении, так как за ним последовал ряд насильственных актов против должностных лиц: Вера Засулич положила начало террору, сыгравшему огромную роль в истории России.

Плеханов был, конечно, в числе лиц, отнесшихся с восторгом к этому покушению. Между прочим, ему принадлежала одна из нескольких выпущенных «Вольной типографией» по этому поводу прокламаций, но не помню, насколько она оказалась удачной и как к ней отнеслись.

В своих тогда выступлениях перед молодежью и рабочими Г. В. с энтузиазмом отзывался о геройском подвиге Засулич, чем, понятно, содействовал развитию у слушателей готовности следовать ее примеру. Увы! — ни Вере Ивановне, ни Георгию Валентиновичу не приходило тогда на мысль, что *всего через год* они же явятся первыми противниками увлечения террористическими актами...

Но далеко не все свое внимание Плеханов в ту пору отдавал движению среди молодежи и задачам организации «троглодитов»: по возвращении из Саратова в Петербург он возобновил свои занятия с рабочими, что, как мы знаем, ему пришлось прекратить вследствие усиленных розысков его полицией и поездки за границу. Занятия с рабочими, которым «троглодиты» вообще уделяли не особенно много внимания, в отсутствие Плеханова почти совсем прекратились. Полный сил и воодушевления, Георгий Валентинович в описываемое время принялся за восстановление порванных связей в рабочей среде. Всегда имевшая успех этого рода деятельность вообще, а Плеханова — в особенности, зимой 1877—1878 г.г. дала блестящие результаты.

Вследствие небрежности администрации на патронном заводе произошел в январе взрыв, повлекший за собой убийство нескольких рабочих и много раненых. Написанная Плехановым по этому поводу прокламация усилила возбуждение и протесты среди трудящихся. Похороны убитых превратились в крупную манифестацию. Когда у братской могилы одним рабочим произнесена была пламенная речь и присутствовавший при этом околочный сделал попытку арестовать его, товарищи, отбив оратора, насильно задержали этого полицейского, и сказавший речь рабочий благополучно уехал на извозчике. Известие об этих похоронах, в связи с столкновением с полицией, имело большое агитационное влияние на рабочую массу.

Значительно большую еще роль сыграли происшедшие весной 1878 года на нескольких заводах стачки, в которых Плеханов принял самое деятельное участие, но на них я останавливаться не буду, так как об этом он сам подробно сообщил в своих интересных воспоминаниях «О русском рабочем в революционном движении». Напомню лишь о том, что вновь арестованному во время стачки на Новой Бумагопрядильне Плеханову удалось, благодаря его находчивости и самообладанию, опять избежать тюрьмы.

Однако, несмотря на эти удачи и наглядные доказательства завоевываемой им популярности среди рабочих, — они называли его и помогавших ему во время стачек товарищей-интеллигентов М. Р. Попова, Н. Н. Лопатина, Н. В. Васильева «наши орлы», — все же Плеханов не считал возможным посвятить себя исключительно этой сфере деятельности и продолжал стремиться «в народ». Ввиду природных дарований, ареной его деятельности, конечно, должны были бы стать трудящиеся слои крупных промышленных центров, но до того заразительно было тогда влияние бакунистской проповеди о преимуществе агитации среди земледельческого населения перед фабрично-заводским, что даже такой сильный и независимый человек, каким был Плеханов, вопреки своему призванию, последовал за общим увлечением «в народ».

Весной 1878 г. до «троглодитов» дошло, — если не ошибаюсь, через уроженца Ростова-на-Дону М. Р. Попова, — известие, что среди донских казаков «неспокойно» вследствие

предпринятого правительством введения у них земских учреждений. И вот, несмотря на описанное выше интересное, возбужденное состояние в Петербурге и плодотворную работу там Плеханова, он, тем не менее, все бросил и помчался на юг, чтобы «взбунтовать тихий Дон». Сложись благоприятно обстоятельства, ему, быть может, удалось бы произвести большую бучу среди казаков, но, как опять же им самим изложено в его воспоминаниях, ему пришлось вернуться в конце лета в Петербург, где, благодаря лишь счастливой случайности — отсутствию нескольких копеек — он избег ареста¹⁾ в четвертый раз, считая в том числе благополучный уход с Казанской площади.

III.

Возвращаясь с Дона в Петербург для напечатания задуманного Плехановым сообца со спропагандированными казаками воззвания, он предполагал остаться в столице самое короткое время. Между тем, незадолго до его приезда произошел в Петербурге почти полный разгром центрального бюро организации «троглодитов». Разгром этот находился в тесной связи с произведенным С. Кравчинским убийством шефа жандармов ген. Мезенцева. Арестованы были такие чрезвычайно ценные члены, как Ольга Натансон, А. Оболешин, Адриан Михайлов, Бердников и др., забрана была «небесная канцелярия», т.-е. паспортное бюро, были разгромлены общие квартиры и пр. Каким-то чудом уцелела только «Вольная русская типография», которой заведывала уже тогда являвшаяся ветераншей революционного движения Марья Константиновна Крылова, привлекавшаяся еще по делу Ишутина (1866 г.).

Ввиду этого разгрома, Георгию Валентиновичу, вместо скорого возвращения на Дон, пришлось заняться восстановлением произведенного полицией разрушения. При этом занятии он, несмотря на новизну для него последнего и полную почти свою неопытность в практических делах, тем не менее, проявил большую сообразительность и дальновид-

¹⁾ Кроме воспоминаний «О русск. рабочем в револ. движ.», Плеханов подробно сообщает об этом в «О былом и небылицах». («Пролет. Револ.», № 3/15, 1923 г. *Л. Д.*

ность, благодаря чему он не только не дал возможности распространиться разгрому на другие места, в которых находились остальные члены общества, но вскоре ему, вместе с вызванным им из Ростова Александром Михайловым («Дворником»), удалось почти совершенно восстановить произведенные нашествием полиции разрушения. А спустя короткое время, к великому изумлению и возмущению правительства, считавшего поверженной в прах «подпольную гидру» или «крамолу», в столице всемогущего самодержца появился, очевидно, свежее отпечатанный номер довольно обширного журнала, названного популярнейшим для русских трудящихся масс лозунгом — «Земля и Воля». Негодованию всеильного и всеведущего III отделения и самого царя не было границ: все усилия тайной полиции напасть на след «Вольной типографии» остались совершенно тщетными: подпольный орган, хорошо руководимый и информируемый, продолжал выходить, хотя и не периодически, но довольно часто и прекрасно распространялся как в столицах, так и повсюду в стране.

Между тем, кроме Плеханова и Александра Михайлова, являвшихся старыми членами организации, начавшей с этой осени называться «землевольческой», к ним присоединилось всего четыре-пять новых лиц: Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Л. Тихомиров, С. Л. Перовская. С. Кравчинский, примкнувший к «троглодитам» еще весной 1878 г., осенью того же года, вскоре после разгрома, был путем хитрости со стороны близких товарищей выпровожден за границу, чтобы не попасться в руки властей¹⁾. За ним вскоре туда же отправилась Ольга Любатович, — да едва ли какая-либо существенная польза для организации была бы от нее, останься она в России.

Как бы то ни было, разнообразные и сложные функции пали на плечи небольшой группы лиц, и, несмотря на это, она умела поднимать столь большой шум, что нагоняла не меньший страх на «предержащих властей», располагавших огромными силами, чем многотысячная вражеская армия.

У каждого из перечисленных выше членов, а также у помогавших им лиц, входивших в периферию организации

¹⁾ Подробнее о нем см. мою брошюру «С. М. Кравчинский». Л. Д.

«З. и В.», была масса дел и всевозможных комиссий. Плеханов, конечно, не составлял исключения: наоборот, у него, ко всем исполняемым им раньше функциям, с осени описываемого здесь 1878 года, присоединилось еще — редактирование сообща с Д. А. Клеменцом и Морозовым «Земли и Воли». Прежде чем говорить об этой новой его деятельности, остановлюсь на общей теоретической подготовке Георгия Валентиновича.

В отношении политической экономии, считавшейся со времен Чернышевского самым важным предметом изучения для каждого сознательного передового человека, Плеханов — подобно другим, наиболее образованным революционерам того времени, не отрицавшим, как Дебогорий-Мокриевич и вообще южные бунтари, чтение легальных книг, — был знаком с А. Смитом, с диссертацией Н. Зибера о теории ценности Д. Рикардо и с сочинением Дж. Ст. Милля с знаменитыми комментариями Чернышевского. Затем он уже довольно хорошо знал «Капитал» Маркса.

Что касается изучения социалистических теорий утопистов, а также таких ученых, как Луи Блан, Дюринг, Родбертус, то у Плеханова, как и у других тогда образованных русских людей, оно было недостаточно, особенно ввиду навязанной ему важной функции — редактора. Правда, среди нас, народников-бунтарей, Г. В. являлся, наряду с значительно более его пожилым Д. А. Клеменцом, очень образованным, чрезвычайно разносторонне начитанным юношей; все же в ту пору ни сам он, ни большинство товарищей еще не причисляли его к настоящим, заправским писателям. Оно и понятно, потому что до описываемой мною здесь осени 1878 г. ему мало пришлось выступать на литературном поприще: в предшествовавшее время он участвовал в составлении народнической программы, написал для рабочих и казаков две-три прокламации, а также прошение к наследнику, листок по поводу выстрела В. Засулич и только ¹⁾.

Хорошо помню, что летом того же года, когда было окончательно принято, по предложению Кравчинского, ре-

¹⁾ Я слышал, что, будучи в Берлине, он отправил оттуда одну корреспонденцию о встретившейся ему там артели русских рабочих в «Рус. Вед.», но не знаю, верно ли это.

шение с осени приступить к выпуску органа «Земля и Воля», никто не называл Георгия Валентиновича в качестве потенциального сотрудника, а тем более — редактора. Литераторами тогда считались: Кравчинский, Клеменц, Иванчин-Писарев, Тихомиров, Синегуб, прославившиеся как авторы в свое время на шумевших народных сказок, стихотворений, листовок и переделок. Плеханов же, ничем подобным еще не проявивший себя на этом поприще, в счет не шел. Да и сам он не подозревал присутствия у себя «литературной жилки», хотя, будучи еще в военной гимназии, по отзывам учителя словесности, известного педагога Бунакова, превосходные писал сочинения, а в последнем классе издавал «журнал». Но, по присущей ему скромности, он не придавал никакого значения этим ученическим упражнениям, и сам едва ли взялся бы за перо осенью 1878 г., если бы его не побудил к этому Александр Михайлов («Дворник»).

Случилось так, что по возвращении в Петербург Михайлов поселился вместе с Георгием Валентиновичем в одной комнате, что дало Плеханову возможность близко узнать этого выдающегося человека и подружиться с ним ¹⁾.

Будучи одаренным большими организаторскими способностями и обладая верным чутьем в определении призваний новых лиц, «Дворник» к тому же выделялся своей настойчивостью, упорством и беспредельной преданностью революционной деятельности: для последней никакие жертвы не казались ему значительными, никакие задачи — неосуществимыми.

«Я никогда не написал двух строф, — говорил он, — но, если бы дело требовало, чтобы я написал стихотворение, я уверен, что добился бы этого».

Придерживаясь такого взгляда на обязанности члена организации, «Дворник», по рассказу Георгия Валентиновича, пристал к нему с настойчивым требованием писать для «З. и В.».

«Пиши, Жорж! Ты обязан писать! Ты можешь!» и т. п. фразы повторял он изо дня в день, пока, действительно, не побудил Плеханова взяться за перо, чтобы описать, в виде корреспонденций, движение среди донских казаков, а также

¹⁾ См. собр. соч. Г. В. Плеханова, т. I, 1920 г.

стачки рабочих на Новой Бумагопрядильне. Эти первые произведения являются лишь пробами пера, появившимися в первых №№ «З. и В.» Но уже с третьего № стали печататься две обширные теоретические статьи его, озаглавленные «Закон экономического развития общества», с которых и начинается литературная деятельность Плеханова. В них ярко сказывалось влияние на Г. В. материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса, но на этом подробно я здесь останавливаться не буду, так как уже сделал это в другом месте ¹⁾. Скажу лишь, что, несмотря на неудачное сочетание марксизма с бакунизмом, эти статьи замечательны для начинавшего юного писателя, к тому же, как мы видели, охваченного бурным стремлением к практической, все-разрушительной деятельности среди разных слоев земледельческого населения. Можно только изумляться тому, как всего после трех-четырех месяцев, к тому же заполненных разного рода беготней и суетней, испробовав свои литературные способности только на двух-трех корреспонденциях да на небольшой легальной статейке «О чем спор» ²⁾, в которой ведется яркая защита народничества обычными в ту пору аргументами, — Плеханов смог выступить с обширной, серьезной и вполне оригинальной работой, которая сделала бы тогда честь любому заправскому нашему ученому. Как бы критически мы теперь ни относились к статье «Закон экономического развития», она для своего времени была замечательным, исключительным произведением, которое можно было поставить рядом с «Философскими предубеждениями против общинного землевладения» Чернышевского.

Благодаря этой статье Георгий Валентинович сразу стал в уровень с нашими «заслуженными старыми литераторами», и его ввели в редакционную коллегию: так стремительно, кажется, никто из наиболее быстро выдвинувшихся на литературном поприще публицистов и критиков, не исключая даже Добролюбова и Писарева, не завоевал у нас себе видного положения в печати.

Плеханов внезапно вырос в глазах даже самых близких его товарищей: хорошо зная его и ценя в нем талантливую

¹⁾ См. мою брош. «Г. В. Плеханов», изд. «Нов. Москва», 1922 г., стр. 41 — 44.

²⁾ См. газ. «Неделя», 1878 г. XII, № 52.

оратора, они относились к нему с большой симпатией, считали молодым «задирой», «забиякой», обладающим «острым язычком и могущим современем еще более развиться, но никому из них, вероятно, не приходило на ум, что в нем таится колоссальный, ни с кем несравнимый не только в «подполье» литератор. Самого «Дворника», убеждавшего Плеханова взяться за перо, поразили изумительно быстрые успехи «Жоржа» на новом поприще, на которое он еще столь недавно не рещался вступить.

«Видишь, Жорж, говорил я, что из тебя выйдет писатель! Но ты превзошел мои ожидания!» — с веселой, добродушной улыбкой повторял А. Михайлов.

Увы! Дальновидный «Дворник» не подозревал того, что этот же столь радовавший его успех Жоржа вскоре затем будет способствовать возникновению натянутых между ними отношений, что, затем, приведет к распадению с такими усилиями созданной, при его энергичном содействии, организации «Земли и Воли».

IV.

Наряду с литературной деятельностью Плеханов не прерывал сношений с рабочими, а с зимы 1878 — 1879 г.г. он начал придавать этому занятию большее значение, чем делал это раньше. Подтверждением этому может, отчасти, служить вскользь брошенное им во второй его статье о «Закононом экономического развития», следующее замечание: «Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей». Раньше ни ему, ни тем более кому-либо другому из народников-бунтарей такая мысль не приходила на ум: несомненно, что только частые встречи с рабочими могли его навести на нее. Правда, это, как мы видели, не мешало ему отводить рабочим роль «воровских прелестников» при таких «титанах», как Булавин, Разин, Пугачов в предстоявших восстаниях, но это противоречие объяснялось его правоверным народничеством. Все же, повторяю, в указанную пору в воззрениях Плеханова начинает замечаться большой сдвиг

в сторону признания значения за рабочим движением. Никто другой из бунтарей в то время не бросал подобных вышеприведенной фраз, что выгодно отличает Плеханова от остальных народников.

Возможно, что эволюция воззрений Плеханова в сторону самостоятельной роли рабочего класса пошла бы еще дальше, так как с весны 1879 г. Вик. Обнорским и Степ. Халтуриним заложено было основание Северо-русскому рабочему союзу, а с последним из этих выдающихся рабочих Г. В. находился в наилучших отношениях, но тогда же одно совершенно неожиданное обстоятельство побудило его особенно энергично стать на стражу ортодоксального народничества, а, следовательно, отвлечься от мысли о задачах рабочего класса.

В конце марта А. Михайлов сообщил Плеханову, что один быв. член саратовской группы «З. и В.» прибыл в Петербург с твердым, бесповоротным решением убить царя, а потому, ввиду возможных после этого акта репрессий, он находил необходимым на время приостановить выпуск №№ «З. и В.», особенно же скомпрометированным лицам следовало покинуть столицу.

В пояснение этого крупного факта, имевшего огромное значение не только для об-ва «З. и В.», но и для всего нашего революционного движения, а то и вообще для истории России, напомним о том, что в практическую деятельность бунтарей, кроме подготовки народных восстаний, входила еще, так называемая, «дезорганизация правительства» или «акты самозащиты», начавшие усиленно применяться, как известно, после произведенного Верой Засулич покушения на генерала Трепова, так как вслед за сделанным ею выстрелом в разных городах совершены были революционерами нападения на некоторых должностных лиц. Последним из таких актов было покушение студ. Л. Мирского на шефа жандармов ген. Дрентельна. И вот член периферийного кружка «З. и В.» — А. К. Соловьев надумал убить Александра II.

Это предприятие выходило из сферы «дезорганизации правительства»: оно принимало уже явный характер непосредственной борьбы за политическую свободу, что исключалось бунтарством. Естественно поэтому, что Плеханов,

являвшийся в то время наиболее ортодоксальным народником, энергично восстал против намерения Михайлова и его единомышленников — А. Квятковского, Н. Морозова, А. Зунделевича, Л. Тихомирова, выразивших готовность оказать Соловьеву необходимую для осуществления его решения поддержку. С другой стороны, к Плеханову присоединились В. Игнатов, М. Попов, М. Крылова, также считавшие, что покушение на царя совершенно отвлечет революционеров от их непосредственных задач.

По поводу многочисленных перипетий, вызванных разгоревшейся затем борьбой, которая, как известно, приняла чрезвычайно страстный характер, написано уже немало; при этом некоторые современники — Н. Морозов, О. Любатович — изобразили роль Плеханова в совершенно ложном свете; особенно же в этом отношении отличился О. Аптекман, объяснивший возникшие в редакции «З. и В.» разногласия исключительно личными мотивами¹⁾. Между тем, деятельность Г. В. в описываемый период является одной из наиболее блестящих в его жизни. Чтобы понять все ее значение, необходимо перенестись в ту отдаленную эпоху.

V.

Среди находившихся в России народников-бунтарей Плеханов был первым, который понял огромную опасность от увлечения этим актом «дезорганизации правительства», так как, по его признанию, он «со всей силой твердого убеждения считал эти приемы борьбы вредными для нашего прямого и самого важного дела: агитации «в народе» на почве его ближайших нужд и его непосредственных требований»²⁾. Как я уже упомянул, он, поэтому, предпринял самую энергичную борьбу против увлечения «дезорганизацией правительства», при чем, само собой разумеется,

¹⁾ См. его предисловие к изданной В. Невским книге «Черный Передел» и мою статью «Черный Передел», в «Истор.-Рев. Сбор.», под ред. В. И. Невского, II, 1924, а также рецензии Е. Н. Ковальской в нашем сборнике № 1 и мою в сборнике «Каторга и ссылка», № 3 (10), 1924 г.

²⁾ См. его статью «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вест. Нар. Воли», «Искра», № 54, 1903 г.

им руководило исключительно «твердое убеждение» во вреде этого способа деятельности, а не личные, тем более не приписываемые ему неправдивыми современниками низменные мотивы.

Как всегда при отстаивании своих воззрений, Плеханов пользовался только прямыми приемами: он спорил, доказывал, апеллировал к логике, делал ссылки на историю и т. д., но никогда не прибегал, хотя бы и к незначительным, «военным хитростям», интригами и т. п., чего, к сожалению, нельзя сказать о его противниках. Так, честнейший А. Зунделевич в одном из помещенных в настоящем сборнике писем сознался, что во время знаменитого заседания в марте 1879 г., на котором обсуждался вопрос о намерении Соловьева убить царя, он и его единомышленники — Ал. Квятковский, А. Михайлов, Н. Морозов и Тихомиров, — были неискренни, «кривили душой», когда утверждали, будто невозможно отклонить Соловьева от его плана. Они поэтому отказались допустить Плеханова свидетелься с ним. К таким приемам Г. В. в аналогичных случаях никогда не прибегал и вполне понятно почему: в идейной борьбе к хитростям, неправде, подвохам прибегают лишь лица, неспособные логическими доводами доказывать несогласному правильность своих взглядов, а в такие положения Плеханову никогда не случилось попадать.

Здесь, конечно, не место воспроизводить все те «военные хитрости», к которым сочли себя вправе прибегнуть сторонники царевубийств по отношению своих инако-мысливших товарищей по организации. Ограничусь лишь указанием на то, что они не остановились даже перед образованием внутри «З. и В.» другого тайного общества, названного ими «Победа или Смерть», о существовании которого, конечно, не подозревали лица не посвященные ¹⁾.

Из приведенных мною здесь сообщений можно лишь отчасти себе представить все те тяжелые и сложные условия, с которыми решил бороться 22-летний Плеханов. Действительно, когда переносишься мысленно в ту отдаленную эпоху, то невольно удивляешься как «силе твердого убе-

¹⁾ Об этом подробнее — у В. Фигнер в «Запеч. Труде», т. I; к чести ее нужно сказать, что она отклонила предложение Н. Морозова вступить в это общество, так как считала такой прием «нечаевщиной».

ждения» Плеханова, так и его настойчивости, непреклонности характера.

Известно, что в разные периоды нашего революционного движения, предшествовавшие здесь описываемому, также происходили споры и расхождения из-за различных отношений тогдашних революционеров к тем или иным приемам борьбы. Но никогда возникшие раньше разногласия, а также обстановки, в которых они происходили, не имели такого серьезного характера и столь важных последствий, какие сопровождали возбужденную юным Плехановым борьбу против увлечения царубийством. В сущности, он имел против себя всех членов «З. и В.», съехавшихся на Воронежский съезд, так как «деревенщики», раньше согласившиеся с ним, потом, в интересах сохранения целостности организации «З. и В.», пошли на компромисс. Плеханову, поэтому, пришлось одному вести всю борьбу, и он вел ее до конца; когда же убедился, что его нестойкие единомышленники изменили ему, он покинул съезд и остался в полном одиночестве.

Другого примера аналогичной твердости убеждений и непреклонности воли, насколько могу припомнить, не было в истории ни нашего, ни западно-европейских революционных движений.

Затем известно, что, — только спустя несколько месяцев, когда он, будучи в Киеве, по его признанию «сознавал, что один в поле не воин», и с тоской спрашивал себя: «что же мне остается делать?» — до него дошло известие о приезде в Петербург из-за границы В. И. Засулич, Стефановича и моем, которых на воронежском съезде выдавали за решительных сторонников «дезорганизации правительства». Он также узнал, что мы, напротив, отстаиваем старый, агитационный способ действий, поэтому поспешил в Петербург, где, как он сообщает, «к удовольствию своему убедился, что названные товарищи согласны со мною почти во всех вопросах революционной теории и практики»¹⁾.

Давно известен дальнейший ход событий: отчасти под нашим общим с ним влиянием, но в особенности ввиду многочисленных столкновений пошедших на компромисс «деревенщиков» с «дезорганизаторами», первые поняли сде-

¹⁾ Та же статья: «Почему и как и т. д.».

ланную ими на съезде ошибку и старались ее исправить. Излишне, полагаю, подробнее останавливаться на всех этих обстоятельствах, приведших, как известно, к распадению «Земли и Воли» на «Черный Передел» и «Народную Волю». В этом крупнейшем эпизоде в истории нашего революционного народничества Плеханов, несомненно, сыграл наиболее видную роль, говоря иначе, не было бы раскола, не существовало бы ни «Черного Передела», ни «Народной Воли», не выступил он энергично, непреклонно против увлечения «дезорганизацией правительства» или точнее — против «охоты на царя».

Но здесь, быть может, меня остановит любознательный читатель и скажет:

«Я охотно готов вместе с вами признать у Плеханова необыкновенную твердость убеждений и непреклонность воли, особенно ярко обнаруженные им в указанный переходный от народничества к терроризму период нашего движения, но я не вижу, в чем состояла тогда его заслуга? Ведь он только проявил упорство закоренелого консерватора, подобное бывшему у знаменитого протопопа Аввакума, который, как известно, вынес еще неизмеримо больше всяких мучений в борьбе за сохранение в целости и неприкосновенности седой старины. Результатом проявленных Плехановым выдающихся свойств его ума и характера был лишь вызванный, главным образом, им раскол в сильнейшей тогда тайной организации, что, понятно, привело вскоре к ослаблению революционных сил и к дальнейшим печальным последствиям, постигшим наше освободительное движение: в этом ли крупное историческое значение роли Плеханова в описанную здесь эпоху?»

Находя вполне уместными такие недоумения, я, однако, совершенно с ними не согласен, и вот почему: они обнаруживают недостаточную осведомленность относительно прошлого нашего революционного движения.

Допустим, что Плеханов не поднял бы страстной борьбы против увлечения «дезорганизацией правительства», — какова была бы тогда дальнейшая судьба нашего освободительного движения?

«Ну это, значит, вдаваться в область неизвестного!» вероятно, заметят некоторые.

Нисколько! — отвечу с полной, глубокой уверенностью: у нас имеются налицо все данные, все предпосылки для правильного решения этой задачи, что я и попытаюсь здесь сделать».

VI.

Если бы Плеханов не восстал против «охоты за царем», не произошло бы раскола, — это несомненно. Но тогда «дезорганизаторская деятельность», которой занималось бы общество «Земля и Воля», совершенно вытеснила бы главную задачу последнего: «агитацию в «народе» на почве его ближайших нужд и непосредственных требований». Народничество осталось бы лишь по традиции, по названию, но фактически оно совершенно исчезло бы из программы деятельности тогдашних революционеров.

«Какая же была бы в этом беда?» — быть может, вновь заметит вдумчивый читатель: «ведь, очутившись вскоре после распада «З. и В.» за границей, Плеханов сам предпринял энергичную борьбу против народничества, не менее страстную, чем была незадолго перед тем поднятая им против «дезорганизаторов?»»

Да, он предпринял ее, но совсем по другим причинам, руководствуясь иными принципами, соображениями и задаваясь другими целями, чем те, которые ставили себе террористы. В подтверждение правильности моих слов достаточно сослаться всего на две-три фразы из предисловия Плеханова к брошюре «Социализм и политическая борьба» — первого его произведения, содержащего критику народничества. Там мы читаем:

«Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными¹⁾».

Уже в этих немногих строках наглядно обнаруживается огромное отличие теоретических взглядов Плеханова и вы-

¹⁾ Собр. соч., т. II, стр. 27.

текавших из них практических задач, какие он считал правильными, от тех, которые фактически преследовали «дезорганизаторы».

Хотя в первых строках «Программы Исполнительного Комитета» заявлялось, что «по основным своим убеждениям мы — социалисты и народники», но это были лишь, так сказать, официальные, «парадные» заявления; в действительности же главные «теоретические выразители» народо-вольчества, при всяком удобном и неудобном случае, устно и в печати, заявляли, что они вовсе не социалисты. Вот, например, что по этому поводу говорится в передовой статье № 7 «Нар. Воли» (от 8 дек. 1881 г.).

«Едва ли основательно прилагать к «Нар. Воле» слишком буквально [? Л. Д.] европейские клички [?] «политических радикалов», «социалистов» и т. п.».

Уже из одной этой фразы ясно для каждого сколько-нибудь образованного человека, что автор этой передовицы, Лев Тихомиров, являвшийся столпом «Нар. Воли», главным ее «теоретиком», имел очень смутное представление о «политических радикалах» и «социалистах», которые казались ему не более как «кличками»¹⁾.

Еще оригинальнее выразился сам «Исп. Ком.» в отправленном им нам, некоторым эмигрантам, письме, помещенном ниже, а именно, что «мы не социалисты и не радикалы, а просто «народовольцы». И рядом с такими изумительными заявлениями общего, так сказать, «теоретического характера» вырабатывалась новая практика революционной борьбы.

Уже давно Плеханов рассказал, как во время приготовлений Соловьева убить царя Н. Морозов, в качестве редактора «Листка Земли и Воли», доказывал, что «террор есть революция в действии», а потому проповедывал необходимость свести всю революционную борьбу к приемам Виль-

¹⁾ Со времени появления в печати этой достопримечательной передовицы прошло 44 г., автор ее, давным-давно отрекшийся от всего своего прошлого, скончался в качестве отчаянного реакционера; между тем, здравствующие старые народовольцы продолжают с благоговением относиться к бессмысленной болтовне этого своего бывшего «теоретика». Такова прочность усвоенных ими в молодости предрассудков! (См. по этому поводу рассуждения А. Корбы и А. Прибылева, в № 25 «Былого» и мой им ответ в наст. Сборнике.)

гельма Телля и Шарлотты Корде, т.-е. к индивидуальному террору небольшой группы вооруженных револьверами или бомбами революционеров.

По мнению этого «новатора» и его единомышленников, среди которых были очень крупные члены «З. и В.», не было никакой надобности привлекать к революционной борьбе не только крестьянские массы, но даже рабочих: одни, мол, интеллигенты смогут изменить политический и социальный строй России, раз они будут применять указанный им метод.

Рядом с этой глубокомысленной проповедью шла и соответствовавшая ей практика: я уже упоминал, со слов В. Фигнер, о составившемся в описываемое время из дезорганизаторов внутри «З. и В.» тайном обществе: «Победа или Смерть». Несомненно, что часть землевольцев склонялась тогда к ткачевцам или к нечаевщине, что, в сущности, одно и то же.

Все эти обстоятельства и другие, мною здесь не упомянутые, дают нам полное основание сделать прогноз относительно ожидавшего общество «З. и В.» будущего, если бы Плеханов не начал бороться с дезорганизаторами, если бы и он стоял за продолжение «охоты на царя». Тогда не произошло бы раскола, общество «З. и В.» целиком было бы поглощено подготовками покушений, — приготовлениями динамита, рытьем подкопов и т. п. А в газете «З. и В.», наряду с благоглупостями, которые проповедывали бы Тихомиров и Морозов, там печатались бы также и статьи Плеханова, в которых он продолжал бы, вероятно, развивать дальше взгляды, изложенные им в «Законе экономического развития», или что-нибудь в этом роде.

Далее, не надо вовсе быть пророком, чтобы указать, каков был бы финал предполагаемого нераспавшегося общества «З. и В.». Оно, конечно, не существовало бы много лет, а погибло бы, подобно «Нар. Воле», не одержав победы над самодержавием: нашлись бы и в нем Гр. Гольденберги, Жарковы, Меркуловы, Окладские, Рысаковы, С. Дегаевы, которые предали бы все и всех. А так как из благородного чувства солидарности, которого придерживались все сторонники дезорганизации, что необходимо «оставаться вместе с товарищами на поле брани и погибнуть заодно

с ними», — никто из них не эмигрировал бы за границу и рано или поздно, — скорее первое, чем последнее, — все до единого члены общества были бы переловлены, после чего их постигла бы известная участь, — в России на воле остались бы только ренегаты и предатели, а в эмиграции — лишь случайные, в большинстве мало или вовсе неприкосновенные к движению, лица.

Между ними не было бы, конечно, ни М. Н. Опаниной, ни Плеханова, ни В. И. Засулич, ни других активных участников движения 70-х годов. Поэтому не сохранилась бы живая, плодотворная традиция героического периода и не распространялась бы дальнейшая проповедь действительного, научного социализма; следовательно, не поддерживался бы тот огонек, который в течение многих лет, хотя и слабо, все же светил среди наступившей долгой, непроглядной ночи. И молодые люди, которые желали бы продолжать дело борьбы погибшего поколения, приезжая за границу, слышали бы от проф. Драгоманова, Добровольского, Дебогория-Мокриевича, Бурцева и других «разочаровавшихся» проповедь отречения от социализма, как от вредной утопии. В среде нашего крайнего оппозиционного лагеря произошло бы еще более обширное опустошение, чем имевшее место в действительности, разгром начавшегося было революционного движения в России оказался бы еще глубже, наступившая при Александре III реакция еще мрачнее и продолжительнее.

Между тем теперь даже такая ярая сторонница «Нар. Воли», как В. Фигнер, оставшаяся, как известно, последней на посту, подводя в своем «Запечатленном Труде» итог деятельности «Исп. Ком.», хотя приходит к очень пессимистическому выводу, все же заканчивает следующим характерным признанием:

«Надо было создавать фундамент и на основе хозяйственного развития России строить новую партию, что было делом будущего. В предвидении этого будущего должна была возникнуть новая партия, и действительно возник зародыш ее — группа «Освобождение труда» — будущая социал-демократия»¹⁾.

¹⁾ См. назв. соч., т. I, стр. 283—284. Курсив мой. Л. Д.

Это совершенно верно: с этим ее утверждением, в сущности, являющимся простым констатированием произошедшего, не могут не согласиться лица, знакомые с созданным после гибели «Нар. Воли» положением как в России, так и среди нашей эмиграции.

Признаваемый Верой Фигнер, как положительный результат гибели почти всех самоотверженных борцов, факт — возникновение группы «Освобождение труда» — не мог бы произойти, не восстань Плеханов против их деятельности.

Теперь, полагаю, в состоянии и сообразительный, глубоко-мысленный читатель решить: была ли полезна предпринятая Плехановым борьба, следовательно, и происшедшее распадение «Земли и Воли»?